

ПОБЕДИТЕЛИ

фронтовые мемуары

АЛЕКСАНДР УРАЗОВ

Я был штрафником

«Война всё спишет»?

Москва
2013

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
У 68

Дизайн переплета *Юрия Шербакова*

Уразов А. П.

У 68 Я был штрафником. «Война всё спишет»? / Александр Уразов. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 352 с.

ISBN 978-5-699-64285-4

О таких, как автор этой книги, говорят: «Родился в рубашке». Отправившись на фронт добровольцем, Александр Уразов служил в 8-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии, а под трибунал и в штрафную роту попал «за потерю секретных документов». «Смыл вину кровью» при форсировании Днепра, обезвредив вражеского пулеметчика и будучи ранен. По снятии судимости остался в той же роте — но уже не в «переменном», а в «постоянном составе». Представлен к ордену Красной Звезды за разведку боем, без потерь выполнив опасное задание. Один из немногих выжил в жесточайших боях на Днестре, где полегла вся его штрафная рота, а орден Славы получил за штурм Вены. Видел войну во всех ее обличьях — не только парадную сторону, но и кровавую изнанку: и победы, и подвиги, и самопожертвование, и мародерство, и воровство тыловиков, и халатность командования, загубленные судьбы, искалеченные души, — на всю оставшуюся жизнь возненавидев поговорку **«ВОЙНА ВСЁ СПИШЕТ»** и предельно откровенно рассказав об увиденном и пережитом в своей книге.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-699-64285-4

© Уразов А.П., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ОТ АВТОРА

Мне шел шестьдесят пятый год, когда я начал писать эту повесть. Многие подробности событий Великой Отечественной войны за послевоенные десятилетия стерлись из памяти, да и сами события мне приходилось вскрывать в глубинах памяти, как археологи вскрывают слой за слоем, пласт за пластом наслоения многих лет, чтобы докопаться до материальных свидетельств исторических эпох. Для чего я это делал, зачем я написал эту автобиографическую повесть о войне? Кто не имеет памяти — не живет по правде.

Книги, театр и кино дали послевоенным поколениям возможность легко и приятно — дома на диване, в кресле театра или кино — пережить смерть, не умирая, узнать боль ран без ранения, тонуть в болотах, не ощущая дикого страха засасывающей трясины, лежать в снежных окопах и пробиваться сквозь вьюгу навстречу смерти, не ощущая ледящего холода и нечеловеческих физических и психических мучений. Новые поколения все это знают, все это пережито в самых различных вариантах человеческих судеб — от рядового солдата до Верховного главнокомандующего. Но... война художественно обработана, обобщена. Что-то усилено, что-то приглушено или намеренно убрано. Все события представлены читателю или зрителю так гладко, так тепло, так комфортно, так ярко в нужных писателю или кинорежиссеру гриме, позе, свете, звучании, чтобы достичь максимального художественного эффекта.

Действительность была и проще и сложнее; боль и страх ощущались жгуче до ужаса, физические мучения доводили до усталого безразличия, полного отупения. Писатели и режиссеры, читатели и зрители все это представляли, воображали, подразумевали — мы же в действительности все это пережили, испытали на себе.

А много ли знают новые поколения людей о такой стороне войны, как штрафные роты и штрафные батальоны? Они были, они действовали на фронтах Великой Отечественной войны и внесли свой вклад в Победу, в воспитание и становление человеческой личности, ее реабилитацию. Эта тема долгое время была закрытой в искусстве, а затем, в одночасье став модной, была утрирована и искажена.

Читатель также найдет в повести некоторые стороны фронтовой действительности, которые обходят в литературе и искусстве по разным причинам, и в частности те, за которые люди попадали в штрафные роты и батальоны. Но, как говорится, «из песни слов не выкинешь», война должна рассматриваться и с этой точки зрения: человек на фронте оказывался в различных ситуациях, которые были бы невозможны в мирное время — война обнажала наряду с героизмом неприглядные стороны человеческой природы.

Однако при всем многообразии людей, их душевных и физических качеств, при всем разнообразии испытаний, каким они подвергались на войне, у большинства оставалась все же одна, главная задача — победить врага даже ценой своей собственной жизни...

НАЧАЛО

После воскресного самодеятельного концерта и танцев студенты выпускного курса Ростовского строительного техникума спали в общежитиях мертвецким сном. Утром в понедельник все спешили привести себя в порядок и, не завтракая, отправлялись в техникум на выполнение дипломных работ. Зал, заполненный чертежными станками, быстро наполнялся дипломниками. Вот вбежал в зал, вернулся назад и вновь забежал Хоменко, крикнул:

— Да! Я и забыл вам сказать, братцы: сегодня немецкие фашисты бомбили наши города. Вы слышали — началась война! Война, братцы!!!

Никто не поверил.

— Как можно верить, чтобы шавка медведя в тайге задрала! — ответил кто-то. — Да мы их шапками закидаем!

— Не верите? — вскричал Хоменко. — Тогда слушайте радио, я включил Москву!

И Молотов подтвердил по радио, что началась война. Аудитория оглохла! Окостенела! Замерла! Потом был митинг, крики возмущения...

Вскоре дипломники стали получать повестки из военкомата о призыве в армию, на войну. На защите они хватали листы своей работы, развешивали перед дипломной комиссией, что-то говорили, председатель комиссии говорил: «Довольно!» — выпускнику давали справку о защите, и он бежал в военкомат к назначенному часу, боясь опоздать.

Приехала комиссия Госстроя СССР для распределения специалистов по городам и предприятиям. Меня, защитившего диплом с отличием, в армию не призвали, а направили на строительство военного завода в городе Каменске вместе с другими ребятами, получившими бронь.

Но на военном заводе закончить строительство не хватило времени — враг двигался по Украине. Вновь прибывшие мастера-строители проработали всего два месяца, и по приказу Главкома строительный трест № 23 был преобразован в управление военно-полевого строительства № 23 и направлен на строительство оборонительных сооружений на Украину, за Харьков. Все имущество треста и личный состав сконцентрировали у железнодорожной станции в ожидании отправки. Люди спали у железной дороги, чтобы не задерживать погрузку вагонов и отправку составов на Украину.

Наконец-то началась погрузка. Работали все дружно, весело, с шутками — всем надоело сидеть неотлучно на станции, видеть слезы жен, детей. Если ехать, то скорей! Быстро погрузили имущество, положили сходни и завели в вагоны упирающихся лошадей, устроили нары в жилых вагонах, нанесли сена на подстилку. Стихийно организовывались людские компании, облюбовывали и занимали места в вагонах — на верхних нарах, на полу.

Мы, молодые специалисты, еще не вжились в рабочие коллективы, и нам не хотелось ехать в теплушках на 30 человек каждая. И смущало нас не только многолюдье — в то время существовала еще субординация между рабочими и ИТР, скованность взаимоотношений, различие интересов. Сами рабочие не хотели бы ехать вместе с нами.

Нас же от студенчества отделяло всего два месяца. Я, Петя Пономарев, Володя Павлов, оторванные от своих товарищей, — мы еще не нашли себя в новых условиях, тосковали по друзьям и студенческой жизни и поэтому крепко держались друг друга. К нам присоединились

Федор Куриченко и Петр Минченко, окончившие техникум заочно тоже несколько месяцев назад. Но они были люди семейные, имели большой производственный и жизненный опыт.

Особенно расторопным весельчаком и пронырой был Минченко. Он-то и предложил поселиться на открытой платформе под прицепом, нагруженным углем для кузницы и покрытым огромным брезентом. Рабочие закрепили брезент на бортах железнодорожной платформы, и образовалась просторная палатка. Мы дооборудовали ее, набив по бортам для утепления сено и сделав мягкую подстилку для постели, покрыв ее плащ-накидкой. В головах мы разместили свои чемоданы и вещмешки с продуктами.

Теперь уже и семьи рабочих не уходили домой, ожидая отправки эшелона. Но куда? На юг, в Среднюю Азию, на Урал, в Сибирь? Или на фронт? Но если на фронт, то зачем нам нужны оконные и дверные коробки, петли, шпингалеты, фитинги, асфальт, олифа, гвозди, трубы и другие стройматериалы? Ожидали, с какой стороны прицепят паровоз. Ночь мы спали уже на новом месте.

Увидев нашу «палатку», к нам попросились в компанию молодые супруги Петр и Марта Серкины. Петр был прорабом, и я работал мастером под его руководством. Марта была плановиком в конторе. Они после окончания института работали тоже первый год.

На рассвете утреннюю тишину растревожили крики петухов и мычание коров. Края перистых облаков зазолотились, и из-за горизонта красным диском всплывало распухшее от сна солнце. Задвигался народ, начали умываться, кто-то разжигал в отдалении костерок. Вот уже уселись на сене вокруг клеенки, заставленной едой, семьи, над запрокинутыми головами сверкнули на солнце стаканы. Начиналась жизнь нового дня.

Вдоль эшелона прошли начальник УВПС Краснов и главный инженер Бухно, предупреждая людей, чтобы они не отлучались от вагонов. С другой стороны станционных путей начал погрузку второй эшелон.

В десять часов лязгнули буфера вагонов, все вскочили и бросились к поезду. С южного конца эшелона пыхтел паровоз.

— По коням! — звонко и певуче разнеслось вдоль поезда, и этот крик повторили многогласно. Женщины бросились к мужьям, начались объятия, поцелуи, раздались причитания. Мы сидели на платформе — нас никто не провожал, никто не проливал слезы.

Поезд, медленно набирая ход, двигался на юг в сторону Ростова-на-Дону, но, выйдя за границу станции, изогнувшись дугой, свернул на запад. Значит, на фронт, навстречу войне!

Нашу платформу мы дополнительно огородили листами фанеры, чтобы ночью не задувало холодом. Хозяйственные вопросы решали наши «старики» Куриченко и его друг по жизни и работе Минченко. Они получили сухой паек, в складчину купили тех продуктов, которые не были положены по общей раскладке (колбасы, сала, вина), приобрели кухонную посуду, ведра для воды и другие нужные в дороге вещи.

Поезд мчался по «зеленой улице» навстречу войне и неизвестности. Мы сидели на платформе, пели «Катюшу», «Дан приказ ему на запад», «Три танкиста». На полях вдоль железной дороги женщины убирали хлеб. Они махали нам косынками, что-то кричали. Минченко и Павлов знаками приглашали к себе, жестами показывали, как крепко они их обнимают. Девчата протягивали к нам руки, звали к себе, показывая на копны, дурачились. К обеду первое волнение улеглось, а новизна притупилась. Супруги Серкины на свободном месте на платформе расстелили плащ-накидку и начали расставлять еду и бутылки. Первый походный обед решили отметить, как праздничный. Бутылка водки наклонилась к нашим кружкам, но я прикрыл свою ладонью и попросил воды — меня мутило от одного вида и запаха водки.

Еще будучи студентами третьего курса, мы в Первомай организовали мальчишник. В то время водка стоила сравнительно дешево — 6 рублей 30 копеек, что было де-

шевле килограмма копченой чехони, и почти в пять раз дешевле килограмма сыра.

В общежитии мы составили столы, выставили бутылки, среди которых стыдливо пряталась закуска. Молодо-зелено — нализились мы в итоге до чертиков. Потом Володя Павлов вытащил невиданную трубку — черную голову Мефистофеля украшали выпученные фарфоровые глаза. Он набил ее махрой (папиросы и «гурецкий» табак были нам не по карману) и раскурил. Трубка пошла по кругу, дошла очередь и до меня. Я не курил, не курили и мои три брата, не курили отец и его братья, не курил весьма набожный дедушка Матвей. Но что в 18 лет не сделаешь «под мухой», чтобы выглядеть как все! Не умея курить, я набрал полный рот махорочного дыма и начал его заглатывать, а не вдыхать. Внимание всей компании было приковано ко мне. Кое-как проглотив дым, я с победным видом передал трубку дальше по кругу. В голове все завертелось, и я, держась за стулья и стол, начал пробираться к выходу. Не помню, как я добрался до своей комнаты и повалился на койку, точно в бескрайнюю бездну. Когда меня начало тошнить, я свалился с койки и пополз к урне, истекая зеленой слюной. В комнате нас проживало четыре человека, все гуляли до вечера, а я не мог оторваться от урны. Поздно вечером меня подняли с пола — сам я не мог лечь на койку, — убрали следы моего преступления. Мне казалось, что я умираю, я все время падал в черную бездну.

Какую помощь мне могли оказать охмелевшие друзья? Врача вызывать было нельзя — выгонят из общежития, а то и из техникума. В те времена порядки в общежитии были строгие, комендант соблюдал их неукоснительно. Двое суток я провалялся на койке, не притрагиваясь к еде, а выпитый чай возвращался зеленой тягучей жидкостью. С тех пор у меня выработалось стойкое отвращение к запаху табачного дыма и всех видов спиртного.

А поезд грохотал по рельсам... Медленно вращающаяся местность начала бугриться, больше появилось выемок, насыпей и мостов через речки и овраги, быстро

прошли небольшой тоннель. Но вот поезд замедлил бег, и вдруг раздались прерывистые тревожные гудки. Мы начали шарить глазами по небу. Высоко летел необычной формы самолет, точно это было два самолета, соединенных вместе. Состав втянулся в большую выемку, а затем нырнул и остановился в темноте тоннеля, заполненного паровозным дымом. Уже через минуту я начал кашлять, а затем корчиться от газа. В вагонах газ, возможно, ощущался не так сильно, но на открытой платформе он колючим ершом лез в легкие. Везде слышались кашель и тревожные крики. Я начал дышать через платок, но это мало помогало.

Подумалось, что надо было его намочить, но в темноте ведро с водой было не найти. Слышались проклятия и грубая брань. Когда показалось, что сейчас наступит конец, и в глазах пошли красные круги, поезд лягнул буферами и медленно пополз вперед. Казалось, он ехал в тоннеле целую вечность, пока впереди не стало сереть, а затем начал приближаться дневной свет. Еще долго с синими лицами и слезящимися глазами мы откашливались, чертыхаясь и сморкаясь. Теперь поезд шел медленно, изредка останавливался, и тогда из вагонов выскакивали мужчины и женщины, бежали к ближайшим складкам местности. От неловкости мужчины хохотали, а вот женщинам приходилось краснеть. На первых порах никто не мог додуматься, что железнодорожная насыпь имеет две стороны — правую для женщин и левую, с переходом через железнодорожное полотно под вагонами, — для мужчин. На станциях и полустанках поезд не останавливался.

Солнце спряталось за тучи, стало вечереть. Уходящий день казался по насыщенности неделей. Мы залегли под прицеп, ударяясь головой о какие-то его части, и начали укладываться спать. Супруги Серкины отгородились от нас чемоданами. Они поженились только несколько месяцев назад, и вот теперь отправились в «свадебное путешествие». Оба были выходцами из интеллигентных городских семей, и, когда кто-то, засорив угольной пылью

глаз, выругался, Марта Казимировна, как она позволила себя называть, не допуская фамильярности, резко сказала: «Прекратите хамить!»

На этом с грубыми словами было покончено, хотя они еще не раз нечаянно срывались с губ по старой привычке. В техникуме на первом и втором курсе в нашей группе сантехников девушек не было, и, как в Запорожской Сечи, создались вольные отношения и свобода слова. Среди нас были такие личности, как «завязавший» карманый вор, беспризорник Виталий Запорожцев, мечтавший стать человеком, но умерший на втором курсе от желтухи и хронического недоедания, дитя деревенской глубинки, безотцовщина Ваня Полонский, ростовчанин Алексей Клочков, оставшийся с младшим братом без родителей и помощи, другие ребята.

Максим Сушицкий, например, жил на стипендию 32 рубля (обед в столовой стоил 1 рубль 5 копеек), страстно мечтал стать знаменитым, чтобы иметь большие деньги и раздать их нам, студентам группы, и, конечно, насытиться самому. Он стал «величайшей знаменитостью», открыв способ из атомов, оставшихся от умерших когда-то Пушкина, Ломоносова, Менделеева, собрать вновь живых гениев. А случилось это так.

В воскресенье мы были на вечере художественной самодеятельности и танцах. Наш однокурсник Саша Осадчий играл на своей, как он утверждал, «скрипке Страдивари», Петя Ковалев сыграл сцены из «Гамлета» и «Скупого рыцаря», Лида Гольдфарб спела несколько песенок из кинофильмов под аккомпанемент на пианино все того же Осадчего. Затем в вестибюле актового зала начались танцы.

Вернулись в общежитие по Халтуринскому переулку на «Нахаловке» мы поздно и удивились: Сушицкий, оставшийся дома, когда мы уходили на вечер самодеятельности, несмотря на позднее время, сидел при ярком свете за столом перед открытой таблицей Менделеева и что-то записывал. Ввалились мы шумно, но он не об-

ратил на нас особого внимания. Тогда Ваня Полонский спросил:

— Максим, ты почему не спишь?

— Э, братцы, мне не до сна, — отвечал он. — Я знаете какое изобретение сделал?! Мы с вами скоро станем богатыми!

— О, смотрите какой изобретатель!

— Что мне с тобой говорить! Послушайте, ребята! —

И он стал излагать свою «теорию» с привлечением таблицы Менделеева, как он из атомов вновь вернет миру гениальных людей прошлого. Полонский было ввязался в спор, но я сказал:

— Время позднее, спать!

И, не успев коснуться головой подушки, я уже спал. В 7 часов утра я всегда мгновенно просыпался, как будто кто-то толкал меня в бок. На этот раз, проснувшись, я увидел Максима, сидящего за столом при всех включенных лампочках. Он что-то бормотал, тетрадка перед ним вся была исписана.

— Максим, ты чего? — И я потушил свет.

— Это я пишу доклад товарищу Сталину. Сегодня директор техникума на своей легковушке повезет меня в Москву, и я все доложу Иосифу Виссарионовичу.

Мы быстро одевались. Надо было прибрать постель, собраться, на ходу закусить и за 20 минут добраться пешком до техникума. Поэтому мы в спешке не очень-то слушали рассказ Максима. Утреннее солнце осветило облака и плывущий в небе самолет. Максим, возбужденный нашим невниманием, громко и настойчиво позвал к окну.

— Смотрите, — сказал он, — видите тень за самолетом? Это летят молекулы умерших. Среди них есть молекулы и Пушкина. Я нашел способ их собрать и из них воссоздать живого Пушкина. Вы представляете, что это такое?! Ведь это гениальное открытие! Я воссоздам и верну к жизни всех знаменитых людей мира. Капиталисты озолотят меня за оживление Джорджа Вашингтона, Джека Лондона, Джеймса Фенимора Купера — всех, кого

я захочу. Передо мной склонятся все правители мира, короли. Все деньги, золото я разделю поровну между нами, друзьями, и мы заживем безбедно! Это открытие я сделал на основе таблицы Менделеева. В знак благодарности я оживлю его первого.

Мы стояли пораженные. Только теперь мы поняли, что это не шутка. Максим говорил вдохновенно, на его худом бледном лице сверкали глаза, он не мог стоять спокойно на месте, ходил у стола, натываясь на стулья. Стало ясно, что произошло с Максимом, но мы не знали, что делать. Мы начали уговаривать Максима собираться в техникум — времени было в обрез. Однако он сказал нам, чтобы за ним приехал на легковой машине «эмке» сам директор. Пришлось убеждать, что директор ничего еще не знает, ему надо рассказать все это не нам, а ему самому лично.

Все-таки Максим пошел с нами, захватив домашнюю работу по черчению. На урок черчения мы опоздали. Наш классный руководитель, неудавшийся художник Королев, по-бурсацки отчитав нас, начал проверять работы.

— Сушицкий, где ваша работа?

Максим сидел и тушью от руки обводил линии чертежа до толщины пальца. Он молча поднялся и отдал чертеж преподавателю. У того брови полезли на лоб.

— Ты чего, Сушицкий? С ума спятил?

Максим взорвался, начал грубить, говорить, что он плюет на эти чертежи, что он пойдет к директору...

— Сушицкий, ты хам в натуре! — напустился на него побагровевший преподаватель. Но Ваня Полонский и другие украдкой крутили пальцем у виска, показывая, что Максим не в себе. А тот уже бушевал. Полонский и Коля Курман соскочили со своих мест, подошли к нему и, подхватив под руки, стали уговаривать пойти к директору. Он согласился — ему надо было ехать на «эмке» к Сталину.

По рассказу ребят, в кабинете директора Сушицкий начал требовать машину, чтобы ехать в Москву, ругал